Дм. Кленовский

Почерком поэта

Мюнхен
1971

Почерком поэта

Того же автора

«След жизни» стихи. 1950.

«Навстречу небу» стихи. 1952.

«Неуловимый спутник» стихи. 1956.

«Прикосновенье» стихи. 1959.

«Уходящие паруса» стихи. 1962.

«Разрозненная тайна» стихи. 1965.

«Стихи» избранное из шести книг
и новые стихи 1965—66 гг. 1967.

«Певучая ноша» стихи. 1969.

Дм. Кленовский

Почерком поэта

Мюнхен
1971

Herausgeber: D. Klenowsky. Deutschland.

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

МОЕЙ ЖЕНЕ

Песнь моя часовней будет длиться
Всем открытой на земном пути.
Можно и войти и помолиться,
Можно мимо, не взглянув, пройти.

Ничего особенного нет в ней,
Именно часовня, а не храм,
Разве только чаще и заметней
Ангелы на всех иконах там.

Да в окно, что может быть строитель
Вправил в стену слишком высоко,
Небо как-то явственней струится,
Словно до него — недалеко.

1970

Ну как поладить мне с тобой,
Не став еще бедней,
Последний данный мне судьбой
Довесок поздних дней?

Благодарить ли должен я
За то, что ты мне дан,
Иль милость поздняя твоя
Один самообман?

И ты ко мне добавишь то,
Чем я и так богат:
Немного блёкнущих цветов
В мой облетевший сад.

Вот и не знаю, как мне быть,
Довесок поздних дней!
Но всё же поблагодарить
Не будет ли верней?

Быть может будет мне дано
Найти ту пару строк,
Что я ищу уже давно
И всё найти не мог?

Обиду старую, смирясь,
Кому-нибудь прощу,
Любимую не торопясь
Нежней перекрещу . . .

И станет мне тогда с тобой
И легче и светлей,
Последний данный мне судьбой
Довесок поздних дней!

1969

Вспомним нашу молодость,
Легкое вино!
Жемчугом и золотом
Искрилось оно!

Только кто действительно
Выпил всю до дна?
И порой мучительно
Нас корит она.

Шепчет: «Сколько мимо ты
Счастья пробежал,
Сколько встреч не вымолил,
Губ не отыскал!

Почему все страны ты
Не перевидал,
Почему Тосканы ты
Всей не исшагал?

Или в Восемнадцатом
(Бог тебя прости!)
На Кубань, чтоб драться там,
Не нашел пути?»

Мне ответить нечего,
Мне одно: молчать.
Разве можно вечером
Утру отвечать!

1969

Прислушайся к последнему дрозду,
Сорви последний василек на ниве —
И приходи ко мне! Тебя я жду
На речке, прислонясь к плакучей иве.

Садись ко мне в челнок и поплывем
По водному тускнеющему лону.
Тебе ведь легче так, со мной вдвоем?
Я для того и заменил Харона!

1969

Будь благодарен новому цветку,
Что распустился за ночь на балконе,
Будь благодарен морю и песку,
Девической груди в твоей ладони!

Будь благодарен . . . — нет, не перечесть
Всего, за что быть благодарным надо!
Вплоть до креста за низкою оградой —
Его могло не быть, а вот он есть!

1969

Каждый цветок по-своему
Радостен и хорош,
Пусть даже мелко скроен он
И в цветники не вхож.

В самом простом заложена
Высшая красота,
Хоть не всегда прохожему
Сразу заметна та.

Может и в нас, нескладно так
В жизни цветущих, есть
Что-то, чем мы оправданы,
Чем хороши мы здесь?

Только вглядеться следует
В венчики душ чужих,
Только тогда как следует
Ты распознаешь их!

Есть васильки, незримые
Через густую рожь,
Коль не вглядишься — мимо них
Наверняка пройдешь!

1970

Чем дальше я старею,
Тем лучше вижу я,
Что песней я владею,
Но песня — не моя.

Она не здесь пропета
И мне на то дана,
Чтоб почерком поэта
Была закреплена.

Чтоб я вовлек и вправил
Ее в понятный стих,
Чтоб я слова расставил,
Не заблудившись в них.

В том, правда, мало толку
И песнь слышна едва —
Я просто порчу только
Нездешние слова.

И ангелы с тревогой
Следят тогда за мной,
За трудною дорогой
Их песен в край земной.

1970

Когда пора слететь листу —
И ветра для того не надо,
Он сам отыщет пустоту
И ближнюю дорожку сада

И успокоится на ней,
И цепенея и тускнея,
К земле всё ближе, всё плотней,
Чтоб напоследок слиться с нею.

Тот жалкий жребий: в тесноту
Земли вернуться без возврата —
Мне, человеку, не листу
Завещан был Тобой когда-то.

Но разделенный также им —
Мое он униженье множит!
О, неужели пред Твоим
Лицом наш жребий неделим:
И лист и я — одно и то же?

1969

Нынче вошел он в моду,
Знаменем непокорных,
В мокрую непогоду
Зонтик цветной, не черный.

Мне полюбился этот
Яркий, упрямый выпад
Против того, что летом
Дождик некстати выпал.

Нет! Мы его не встретим
Траурною одеждой!
Нет! Мы ему ответим
Светлой, живой надеждой!

Если бы только вскоре
Так и с душою стало,
Так и она б от горя
Светлым себя спасала!

1969

О том, как плотью мы легки,
Как наши годы облетают —
Отцветших яблонь лепестки
Весною нам напоминают.

О том, что данью наших дней
Мы так обманчиво богаты —
Недолгой пышностью своей
Предупреждают нас закаты.

Но нам не внятен их совет
И мы живем, как будто в мае
Ни яблонь, ни закатов нет
И вещих знаков не читаем.

Но высшая забота где?
Она совсем не в знаках этих,
А в том, что на пути к беде
Мы недогадливы как дети.

1969

В тайнах мира был я неучем,
Только скрёб в замке ключом
И сказать мне больше не о чем,
Да и было ли о чем?

Лишь догадками, намеками,
Не смела и не легка,
Неизведанными тропами
Шла к другим моя строка.

И не странно ли, что многие
Признаются мне сейчас,
Что стихами жить помог им я,
Подойдя к ним в трудный час.

Знать, невыносимой жаждою
Все измучены в пути,
Если нищей песней каждою
Можно в сердце к ним войти!

1970

Вспомним камень драгоценный —
Мне он кажется порой
Омертвевшей во вселенной
Человеческой душой,

Что в дожизненном пространстве,
В превращеньях без числа,
Утомясь от долгих странствий,
Не дойдя — изнемогла

И лежит окаменелой,
Лишь в сверканьи сохранив
Заглушенный, онемелый
Прежний трепет и порыв.

Хорошо, что мы с тобою
В страшной повести земли
Незастывшею, живою
Нашу душу пронесли.

Но запомним промедленья
Завлекающую глушь,
Вещий знак оцепененья —
Смутное предупрежденье
Опоздавших к жизни душ!

1970

Во ржи не видно больше маков,
Ни лебеды, ни васильков —
Полей повсюду одинаков
Благонамеренный покров.

Усердные добились люди,
Что больше нет теперь во ржи
(И никогда уже не будет!)
На солнце рдеющей межи.

Крестьянин рад, что приумножил
Свой урожай отныне он,
Лишь я, медлительный прохожий,
И удивлен, и огорчен.

Вот так и мы всё чаще губим
Цветенье лучших чувств своих:
Скучней живем, беднее любим,
Не пламенеем для других.

И может быть иной прохожий
Из ангельских дозорных сил
Вздохнет и пожалеет тоже,
Что ты, колосья приумножа,
Меж ними маки погасил.

1970

Ты брошен в жизнь, ты меришь сроки,
Ты познаешь свои пути,
Ты даже к истине высокой
Порою можешь подойти.

Но шаг один — и слишком много,
Не одолеть уже и ты
Опять идешь тропой пологой
Сквозь запыленные кусты.

Ну что ж, иди по ней, покуда
Твоя душа еще слаба,
Но верь, пускай еще не в чудо,
А в то, что есть к нему тропа.

1969

Сколько пело, плакало, любило,
Радовалось, обжигалось, жгло —
Только где ты, вечность, схоронила
Всё, что прозвенело и ушло?

Неужели просто всё пропало?
Или где-то, в непонятном «где»,
Всё оно большим богатством стало,
Новой жизнью на иной звезде?

В сонме звезд она для нас не диво —
Ведь еще не знаем мы пока,
Что бессмертье каждого порыва
Нам она сулит издалека.

1969

Поменяться что ли с птицей
Тем, чем оба мы богаты?
Станет трудною страницей,
Я же — легким и крылатым.

Только, что найду я в этом
Небывалом превращеньи?
Хорошо ли быть поэтом
С поднебесным только пеньем?

Я земле моей поручен,
Всем земным ее заботам,
Всем ее болотам, кручам,
Нетерпеньям и дремотам.

И в лазурном поднебесьи
Всё земное забывая,
Легкокрылой, дальней песней
Помогу ль кому — не знаю.

1970

Нет, я не верю, что дано
Нам бытия живое пламя
Как промежуточное зло
Между двумя небытиями!

Как всякий мост всегда ведет
На берег противоположный —
Так жизнь, бегущая вперед,
Без продолженья невозможна!

Нам две догадки вручены:
Губительная и живая.
Любую мы избрать вольны,
Надеясь или отвергая.

Но если две догадки есть —
Разгадки тоже две возможны!
Так будем же покамест здесь
В своем неверьи осторожны!

1970

Нади, Любочки и Верочки!
Дорогие имена!
В редком доме эти девочки
Не мелькнули! Хоть одна!

Кто, учась любовной грамоте,
С гимназических времен
Не был в Верочку без памяти
Или в Любочку влюблен!

От Хабаровска до Винницы,
От столицы до села
Пол-России именинницей
В сентябре всегда была.

Но теперь у нас на родине
Редки эти имена
И плохой на них пародией
Запорошена она.

Та — Нинелью, эта — Жанною
Стали девушки подряд
И на всей Руси (не странно ли!)
То сказалось, говорят.

Словно жребий тот же вынула
Вся страна и, хмуря бровь,
Вслед за верой Русь покинули
И надежда, и любовь.

Вот стоим перед отчизною
Обокраденной своей . . .
Ах, когда, откуда сызнова
Эти три вернутся к ней?

Не тогда ль, когда, прозревшая,
Станет девочек опять
Теми милыми, утешными
Именами называть!

1970

На полотнах треченто,
Что в музеях хранимы,
Краски светят, как ленты
В волосах у любимой,

Словно взгляд ее ясный,
Алость губ ее спелых,
На подушках атласных
Золотистое тело.

Видно мастер, томимый
Красотой, безотчетно
Всё сиянье любимой
Перенес на полотна.

1970

Я здесь узнал мельчайшие цветы,
Их называют «луговая пена».
Они в глаза не бросятся, но ты
Их, проходя, заметишь непременно.

Они цветут вперегонки с весной
И островками вкраплены густыми
В зеленые лужайки, а порой
Канавы у дорог пестреют ими.

Они так умилительно легки
И, сорванные, так поспешно вянут,
Что на букеты или на венки
Их даже дети обрывать не станут.

Своей и белизной и синевой
Они подобны той эгейской пене,
Откуда Афродита сквозь прибой
На мраморные поднялась ступени.

А если любишь средние века
И хороводы девушек в апреле —
Сядь на траву и обожди, пока
Тебе их дорисует Боттичелли.

1969

Как прельщает нас порой
Суетою праздной
Хлопотливый, звонкий строй
Жизненных соблазнов!

Долетят ли с высоты
К нам слова простые:
«Отойди от Марфы ты,
Обожди Марию!»

Если вера моя права —
Дай мне правильные слова,
Чтоб о ней рассказать другим,
Чтоб она не ушла, как дым,
С отгоревшей моей душой
В тот обещанный мне покой,
Где, у вечности под ключом,
Не скажу уже ни о чем.

1970

Нет, с Богом говорить я не умею!
Его обитель мне едва видна.
Ни в дверь к Нему я постучать не смею,
Ни дотянуться до Его окна.

Другое — ангел. Он в прихожей Бога
Меня принять и выслушать готов
И мы порой беседуем немного,
Словами — я, а он — без всяких слов.

Он понимает все мои заботы,
Не сердится, пусть даже я неправ,
Он иногда через мою дремоту
Проходит ночью, строчку подсказав.

Но мне порой вот этот путь окольный
К живому Богу кажется грехом
И мне тогда и совестно и больно
И начинаю я мечтать о том,

Что может быть когда-нибудь наскучат
Ему беседы эти за стеной
И выйдет Он и скажет мне: «Не мучай
Себя! Войди! Поговори со мной!»

1969

Ангелам живется тяжело
Меж людьми, что ими же хранимы.
Слишком велико земное зло
И так часто непреодолимо!

И бледнеет лик их иногда
От сознанья своего бессилья,
Опускаются у них тогда —
Нет, конечно же не руки! — крылья.

«Можешь?» — «Да!», «А это можешь?» — «Нет . . .»-
Прозвучит то радостно, то глухо.
Вслушайся в нездешний их ответ,
Вслушайся своим нездешним слухом!

И пойми: им больно отказать,
Горько им и за тебя тревожно
И старайся их не огорчать
Просьбами о том, что невозможно!

1970

На кладбище живым занятий много,
Там можно целоваться, красть цветы,
Грустить о том, что вот умрешь и ты,
Писать стихи и объясниться с Богом.

Но что там делать мертвым? Спать и спать!
Прохожего спугнуть? Неинтересно!
Кто нынче верит в призрак бестелесный?
Напрасно будешь ты костьми стучать!

Ну разве новичка втянуть в допрос:
Как было, очень иль не очень больно?
И как ушел: насильно или вольно?
Автомобиль? Аэроплан? Склероз?

Но это тоже надоело им
И в равнодушии своем им слаще
Досуг свой проводить в дремотной чаще,
Передоверив кладбище живым.

1969

Есть всегда такие вещи дома,
Что с тобой почти всю жизнь прошли:
Ложки, бритвы, ножницы, альбомы —
Мелочи заботливой земли.

Ты сроднился с ними и конечно
Иногда досадою томим,
Что, когда умрешь, они беспечно
Подружатся с кем-нибудь другим.

Я решил: со мной, в моей могиле
Я велю их всех похоронить,
Чтобы так, как мне они служили,
Не смогли они другим служить.

Поступлю как предок мой когда-то,
Что, заветы древние храня,
В смертный путь свой, избежав утраты,
Брал жену с собою и коня.

1969

Эту ночь перед той дуэлью —
Кто провел ее рядом с ним,
Вместе горького выпил зелья,
Тем же ангелом не храним,

Чтоб потом уверять утешно,
Что спокоен он был и смел,
И оделся, мол, не поспешно
И письмо написать успел?

Может всё по-иному было:
Страсти гнали его и жгли,
Мысль томила, не изменила ль
Всё ж, хоть в помыслах, Натали?

Не боялся ли? Может очень?
Пусть! Нам истина не страшна!
Ни одна из всех его строчек
Тем не будет оскорблена!

Испытующе то и дело
Мы поэтам глядим в глаза,
Но ведь важно не то, что делал —
Важно только, о чем сказал!

1970

Словно кошка своих котят
Я стихи мои все вылизываю.
Отойду — и скорей назад,
Хлопотать начинаю сызнова.

Что-то шерстка еще бледна,
Не лоснится как надо было бы —
И проводишь все ночь без сна
Над своими, над сердцу милыми.

Ну, понятно, меж ними есть
Неудачные от рождения:
Грубовата бывает шерсть,
Пятна в этаком разночтении.

Пожалеешь конечно их,
Много с ними и зря намаешься,
Но в ведре утопить таких
Как-то всё-таки не решаешься.

Вот и бродят они кругом
И читателям в ноги тычутся.
Лучше было бы им ведром
Своевременно ограничиться!

1970

Их когда-то называли «перси».
Как пришло, откуда это слово?
В нем звучат и «Персия» и «персик» —
И разгадка будто бы готова!

Не персидских ли красавиц груди
На миниатюрах древних или
Пара персиков на плоском блюде
Нас на это слово вдохновили?

Нет, конечно это всё пустое,
В том ни капли смысла не найдется
И филолог, прочитав такое,
Надо мной, поэтом, посмеется.

Но поэтам, как известно, можно,
Собственно поручено им даже,
Говорить другим о невозможном,
О таком, о чем никто не скажет!

Воскресить то слово не пытаюсь,
Сожалеть о нем не стану тоже,
Но когда я Пушкина читаю —
Всё-таки оно меня тревожит.

И пока его опять и снова
Перечитывать с тобою будем —
Странное, исчезнувшее слово
Мы еще конечно не забудем!

1970

Подмосковные вечера!
Их давно бы забыть пора!
Но лишь только о них поют —
Предо мною они встают!
Снова кра́дется их луна,
Снова даль за рекой мутна,
Словно тот же гитарный плач
Долетает с окрестных дач,
Словно те же звучат слова,
Словно девушка та жива . . .

Полстолетья я не был там,
Не бродил по грибным местам,
Не спешил под защиту рощ
Переждать набежавший дождь,
Не глядел на речную гладь,
На волос золотую прядь . . .

Там конечно сейчас у всех
Много тех же земных утех:
Там целуются и поют
И живую подругу ждут.

Только знаю — и навсегда! —
Там не так, как в мои года,
Потому что ее там нет,
Что прижалась ко мне в ответ,
Что прильнула горячим ртом
И всё лето для нас потом
Были долгими, до утра,
Подмосковные вечера.

1970

Дилижансов и пешеходов
Золотые былые годы!
О, скитальческая свобода,
Та, что лучше любой свободы!

Сладко было в полудремоте
По дороге неповторимой
Вместе с Гоголем, вместе с Гете
На рассвете подъехать к Риму!

Иль бродить, встав поу́тру рано,
По тропинке едва заметной . . .
Холмы Умбрии и Тосканы
Прижимались к тебе за это!

Как свободно тогда дышалось,
Как особенно птицы пели,
Как полуденная усталость
Мягкой ленью струилась в теле!

Как бывали вкусны в таверне
Хлеб, яичница и маслины!
И вино было редко скверным,
А хозяйская дочь — невинной.

Правда, грабили по дорогам
И колёса ломались быстро,
Но и времени было много
И не каждый смертелен выстрел!

Путник знал, что под ве́чер будет
Кровля, ужин и шёпот женский,
А наутро его разбудит
Звонкий благовест деревенский.

. . . Нас былое всегда тревожит,
Милой тенью бредет за нами,
Но догнать нас — оно не может,
Разве только вот так: стихами!

1969

Пушкинская «музы́ка»,
Блоковское «плеча́» —
Нынче немного дико
Эти слова звучат!

Прежде, в сердцебиеньи
Тех нараставших дней,
Жесткое ударенье
Было прочней, верней.

Лишь о «музы́ке» боя
Можно ведь говорить,
Если, «Полтаву» строя,
Пушкиным хочешь быть!

Лишь с «полковой музы́кой»
Ларинский звонкий бал
Провинциальным ликом
Весь как живой предстал!

После была на смену
«Му́зыка» нам дана.
Нежная перемена!
Но навсегда ль она?

Может быть, в обновленье
Всяческой старины,
Новые ударенья
Наши сменить должны?

Надо поторопиться
Ею дышать, пока,
Щерясь, не превратится
«Му́зыка» в «музыка́»!

1970

Рыбак привык щадить природу,
Он, рыбку сняв с крючка, всегда
Ее обратно кинет в воду
Когда мелка и молода.

Вот если б точно, неустанно
И с нами поступали так
И выловленных слишком рано
Обратно в жизнь кидал Рыбак!

И мы опять дружили б с нею
И вновь была б она сладка
И лишь губа, и всё слабее,
Еще болела б от крючка.

1970

Мы су́мерничать разучились, мы
Мгновений милых более не знаем
На грани полусвета, полутьмы,
Когда мы, ламп еще не зажигая,
Молчали иль обменивались лишь
Неторопливым и хорошим словом.
Теперь не то, теперь включить спешишь
Свет электрический, всегда готовый.
Выхватывая изо всех углов
Подробности земного прозябанья,
Он груб и зол, с ним не до тихих слов,
Не до простого, легкого молчанья.
И надо не сидеть уже, а встать,
Согнав отраду подступавшей лени . . .

Так обокрали мы себя опять
На несколько прекраснейших мгновений!

1969

Что ж ты не стареешь вместе с телом,
Беспокойная моя душа,
По тебе отпущенным пределам
Странствуешь, волнуясь и спеша?

Отдохнула б лучше в мягком кресле
Рядом с телом дремлющим своим,
У окна с ним постояла б вместе,
О погоде поболтала с ним.

Мол, меня, как и тебя, продуло
Этой жизни жестким сквозняком,
Вот я тоже шею обернула
Шерстяным, как у тебя, платком.

Будет так и телу не досадно,
Да и ты уймешься может быть,
Чтобы рядом с ним, тепло и ладно,
Дней своих довесочек дожить.

1969

Мною правят всё еще заботы,
Поиски, надежды и грехи,
Всё еще желаю я чего-то,
Жду, мечтаю и пишу стихи.

А зачем? Ведь я уже нездешний,
Я почти на дальнем берегу
И привычки давние, как вещи
Старые, напрасно берегу.

Трудно жить без них, таких знакомых,
На последней кромке на земле!
Кажется, что всё еще я дома,
Не на отходящем корабле.

Он куда-то в дальние просторы
Держит путь, не знаю лишь куда,
Но кругом еще привычный говор,
Палуба, перила и вода.

И живешь еще, как полагалось
До сих пор и жить и медлить тут,
Забывая, что всего осталось
Несколько недель, часов, минут . . .

1969

Вспомни! Вспомни! Я была когда-то
Музой надоедливой твоей,
Глупенькой сперва и пустоватой,
Но отца и матери нужней.

Вскоре стала я взрослей и строже,
Научила плакать и мечтать,
Научила, ночь твою тревожа,
Женщину с разлукой рифмовать.

А потом совсем иначе стало:
Я тебя отсюда увела
В те края, где я сама бывала,
Но куда не всех с собой брала.

Я тебя не зельем там поила,
А всего лишь воздухом иным
И с тех пор заговорил ты, милый,
Ясным, чистым голосом твоим.

А теперь расплачиваться надо
За прогулку звездную твою.
Отпущу тебя не дальше сада,
Молча сяду рядом на скамью.

И чтоб смерть была тебе наградой,
Той, которой для тебя прошу,
Я платок твой самым легким ядом —
Ядом примиренья — надушу.

1969

Казалось, не о чем просить.
То — было, а тому — не быть,
То — навсегда неповторимо,
А то — не так необходимо . . .
Но всё же вижу, что одна
Молитва мне еще нужна:
О том, чтоб воздух хоть немножко
В тот день уже весенним был
И свежий ельник по дорожкам
Вел к самой свежей из могил.
Чтоб было пусто, нелюдимо,
Предельной тишиной хранимо
И предвечерний луч скользил
По шубке женщины любимой.

1969

Довольно? Ну что ж: довольно!
Такое не навсегда ведь!
Но мне нестерпимо больно
Тебя без меня оставить!

Тебя, для которой будет
Весь мир темнотой завешен,
Которой не то что люди —
И ангелы не утешат.

Но всё же открой им двери!
Ведь будет меж них быть может
Тот лучший, в кого я верил,
А этот — тебе поможет!

1969

Ни целовать тебя не смею,
Ни поглядеть тебе в лицо —
Ты стала для меня камеей,
Что вправлена в мое кольцо.

Ты вечно в профиль, вечно мимо
Глядишь, и никогда в упор.
Ты в камне от меня хранима,
А с камнем кто вступает в спор!

Гляжу на непокорный локон,
На очертанье строгих губ
И будешь ты всегда упреком
За тех, кого не берегут.

1969

Как научился и чему я
У женщин, что меня любили?
Сперва конечно поцелуям —
Они всего понятней были.

Затем пожалуй недоверью
И осторожности в придачу,
Нетерпеливей стал теперь я
И восприимчивей к удачам.

Лишь одному никак, признаться,
Не смог у них я научиться:
Легко любить, легко прощаться,
Легко забыть, легко забыться . . .

1970

Всё между нами прощено,
Всё понято и может статься
Осталось нам всего одно:
Совсем и навсегда расстаться.

Не потому, что ложь иль зло
Разъединяют наши руки,
А просто время подошло
Для неминуемой разлуки.

Прощай! Не затемни тоской
Прозрачных дней своих осенних!
Ну разве перед сном порой
Встань у кровати на колени

И к встрече с тем, что был любим,
Себя ничем не приневолив,
Окликни лишь меня, не боле,
Далеким именем моим!

1970

Да, я с тобой еще побуду
Уйдя отсюда. Кем и в чем?
О нет, не ангелом, не чудом,
Не стражем за твоим плечом!

И не одними лишь стихами,
Хоть навсегда с тобой они,
А всем, что подружилось с нами
За прожитые вместе дни:

Лесной тропинкой, той, которой,
Целуясь, мы брели с тобой,
Опущенною в полдень шторой,
Озерной гладью голубой,

Уютным, на двоих, диваном,
Фонтаном, что взметнул струю,
Упругой желтизной тюльпанов
И легким стуком в дверь твою.

И если что-нибудь такое
Ты встретишь на своем пути —
Поймешь: я всё еще с тобою,
Я медлю от тебя уйти!

1970

Женщину нельзя любить без скидки
На характер, ум иль красоту,
Женщина всегда не без ошибки,
Лишь не сразу замечаешь ту.

Вот и ты, не всё в тебе как надо,
Как сперва мечтал конечно я,
Ты порой упреком иль досадой
Как крапивой обожжешь меня!

Ты порой . . . — но это всё напрасно
И размолвка будет недолга!
Ты не без ошибок, это ясно,
Только как ты все же дорога!

1969

Есть в комнате, что покидаешь, в той,
Где лучшая подруга целовала,
Уже какой-то горестный покой,
Какой-то долгой бедности начало.

Ну разве может быть повторено
Подобное еще раз? Неужели
В ней будут снова розы и вино
И двое, что друг друга так хотели?

Конечно больше этому не быть,
И то дано ей было слишком много
И ей осталось только сторожить
Неповторимость своего чертога.

1969

Были мы когда-то молодыми,
Кровь цвела легко и горячо,
Близостью придуманное имя,
Задыхаясь, жгло твое плечо.

Где оно, как солнце золотое,
Свежее, как вешняя трава?
Где оно, твое, ничье другое?
Где мои сгоревшие слова?

Миновало, что всего чудесней,
Что всего свежей и горячей
И со мной осталась только песня,
Только песня о твоем плече!

1969

Когда осенние года
Позолотят твои утраты —
Как станешь, милая, тогда
Ты ослепительно богата!

Как просияет всё, что ты
Не берегла и не ценила,
Как все угасшие черты
И оживут, и станут милы!

Легко отыщут поезда
Все убежавшие вокзалы
И засверкают города
Дождем встречавшие бывало.

А может быть и я таким
Желанным в памяти предстану,
Что всем обидам вопреки
Опять, опять любимым стану!

1969

В той комнате, где мы, одни,
С тобой бывали,
Всегда на столике в те дни
Цветы стояли.

Живые, свежие цветы
Начала лета.
Однажды к ним нагнулась ты,
Полураздета.

Скользнув, к ногам твоим легло
Колечком платье.
Ты не спешила как на зло
В мои объятья.

И поцелуем между плеч,
Твоим любимым,
Я не сумел тебя отвлечь
От встречи с ними!

Где мутный омут глаз твоих,
Что был сначала?
Как в тех цветах, всё ясным в них,
Всё чистым стало.

...За шторой вечер угасал
И молча стоя
Я понял: я тебя не знал,
Тебя не стою.

1969

Как много ласковых имен
Придумано любившими!
Без них все люди всех времен
Такими были б нищими!

Порой в них, правда, привкус есть
Наивности и сладости . . .
Лишь двое могут произнесть
Их с нежностью и радостью.

И нет им дела до других,
Что на пути им встретятся —
Ведь те слова для них одних
И ворожат и светятся!

1969

Затхлый запах разочарованья
(Мокрой тряпки, пыли, нафталина . . .) —
Как прокрался ты в мое сознанье
Так упрямо, так неодолимо?

Как тебя впустил я, как позволил
Мной отныне завладеть украдкой?
Я ведь так всегда берег и холил
Все моей любви и швы и складки!

Каждую обиду я утюжил,
Каждой ссоры выводил я пятна,
Все ошибки сдунул — почему же
Проступило всё теперь обратно?

И прекраснейшая ткань вселенной,
Ткань моей любви бессмертной — тоже
Оказалась преходящей, тленной,
На другие все такой похожей!

1970

В ПИСЧЕБУМАЖНОМ МАГАЗИНЕ

Простая синяя тетрадь . . .
Что будет дальше с ней?
Чем суждено ей быть и стать
В руках чужих людей?

О, если б было ей дано
Сберечь свои листы
Иль в крайнем случае одно:
Меж них сушить цветы!

Но вряд ли это будет так,
Верней другой удел:
Принять в себя ничтожный знак
Людских докучных дел!

Служить наперсницей невзгод
Влюбленного юнца
Иль в чей-то лавочный расход
Включиться до конца.

Арифметических задач
Штук сто перерешить,
Чужих удач и неудач
Остывший след хранить.

А может быть (и хуже нет!)
Какой-нибудь пиит
Ее, томясь, на много лет
Стихами оскорбит . . .

А потому сейчас, скорей
Куплю одну тетрадь!
Не буду прикасаться к ней,
Всё под ключом держать,
Чтоб хоть одной из них, хоть ей
Несчастья избежать!

1969

Не услышать кукушки летом —
Нехорошая то примета!
Кто земную мою дорогу
Без нее мне продлит немного?
Кто мне скажет, напутав малость,
Сколько мне еще жить осталось,
Сколько песен еще сложу я,
Сколько раз тебя поцелую?

1970

Есть в женщине чудесное влеченье
К певучим и рифмованным строкам.
Не потому ль она в награду нам
Сама похожа на стихотворенье?

Она нам дарит ямб сердцебиенья
В часы, что я огласке не предам
И те цезуры, что по временам
Она вплетает в стопы наслажденья.

Как хорошо ее рифмует грудь,
И плечи, и глаза! И не забудь,
Что может даже стать она поэмой!

С прологом, с эпилогом, словом всем,
Что нужно для классических поэм,
Но . . . с самой неожиданною темой!

1969

Станет в сердце мертво и голо
И во тьму своих вечеров
Ты одно унесешь: мой голос,
Мертвый голос моих стихов.

Будет он навсегда с тобою
Как незримый ночной прибой,
Как безликая речь прибоя
Будет он навсегда с тобой.

Он тебя и баюкать будет
И тревожить тебя в черед.
Не умолкнет и не убудет,
Только вместе с тобой замрет.

1969

СОДЕРЖАНИЕ

Песнь моя часовней будет длиться... 7
Ну как поладить мне с тобой... 8
Вспомним нашу молодость... 10
Прислушайся к последнему дрозду... 12
Будь благодарен новому цветку... 13
Каждый цветок по-своему... 14
Чем дальше я старею... 15
Когда пора слететь листу... 16
Нынче вошел он в моду... 17
О том, как плотью мы легки... 18
В тайнах мира был я неучем... 19
Вспомним камень драгоценный... 20
Во ржи не видно больше маков... 21
Ты брошен в жизнь, ты меришь сроки... 22
Сколько пело, плакало, любило... 23
Поменяться что ли с птицей... 24
Нет, я не верю, что дано... 25
Нади, Любочки и Верочки... 26
На полотнах треченто... 28
Я здесь узнал мельчайшие цветы... 29
Как прельщает нас порой... 30

Если вера моя права . . . 31
Нет, с Богом говорить я не умею . . . 32
Ангелам живется тяжело . . . 33
На кладбище живым занятий много . . . 34
Есть всегда такие вещи дома . . . 35
Эту ночь перед той дуэлью . . . 36
Словно кошка своих котят . . . 37
Их когда-то называли «перси» . . . 38
Подмосковные вечера . . . 40
Дилижансов и пешеходов . . . 42
Пушкинская «музыка» . . . 44
Рыбак привык щадить природу . . . 46
Мы сумерничать разучились, мы . . . 47
Что ж ты не стареешь вместе с телом . . . 48
Мною правят всё еще заботы . . . 49
Вспомни! Вспомни! Я была когда-то . . . 50
Казалось, не о чем просить . . . 52
Довольно? Ну что ж: довольно . . . 53
Ни целовать тебя не смею . . . 54
Как научился и чему я . . . 55
Всё между нами прощено . . . 56
Да, я с тобой еще побуду . . . 57
Женщину нельзя любить без скидки . . . 58
Есть в комнате, что покидаешь, в той . . . 59
Были мы когда-то молодыми . . . 60
Когда осенние года . . . 61
В той комнате, где мы, одни . . . 62
Как много ласковых имен . . . 64
Затхлый запах разочарованья . . . 65
В писчебумажном магазине . . . 66
Не услышать кукушки летом . . . 68
Есть в женщине чудесное влеченье . . . 69
Станет в сердце мертво и голо . . . 70